

Сергей Степанов-Прошельцев

*Перекрёсток
путей
объездных*

Лирика

Сергей Степанов-Прошельцев

**Перекрёсток путей
объездных. Лирика**

«Издательские решения»

Степанов-Прошелецев С.

Перекрёсток путей объездных. Лирика / С. Степанов-
Прошелецев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500849-7

Этот сборник — лирический дневник эпохи. Эпохи сложной,
непредсказуемой. И стихи такие же. В них — и робкая радость, и горечь
разочарований, и надежда, что мир пробудится от спячки...

ISBN 978-5-00-500849-7

© Степанов-Прошелецев С.

© Издательские решения

Содержание

Нетудальный синдром	6
ВОСПОМИНАНИЕ О ДАВНЕМ	6
КОЛЫБЕЛЬНАЯ РЯДОВОМУ ЗАПАСА	7
САКСАУЛ	12
ДЕМБЕЛЬ	14
РАССТРЕЛ ЦАРЕУБИЙЦЫ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Перекрёсток путей объездных Лирика

Сергей Степанов-Прошелец

© Сергей Степанов-Прошелец, 2019

ISBN 978-5-0050-0849-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нетудальный синдром

ВОСПОМИНАНИЕ О ДАВНЕМ

Проплывают облака
кучевые, кочевые,
день, уставший от песка,
очи выел.

Пропадает в поле след,
ночь упала...
Я забудусь по весне
сном тюльпана.

Я забуду всё, как есть,
всю бескрылость,
чтобы мне благая весть
вдруг открылась,

чтоб исчезли беспризор,
одичалость,
чтобы тёплым ветром с гор
ты примчалась.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ РЯДОВОМУ ЗАПАСА

Ты дома. Всё чин по чину.
Ложись в постель. Отбой!
Спи, мальчик! Ты был мужчиной,
побудь же теперь собой.

Пусть тебе реже снится,
как месяц тому назад
огромной хвостатой птицей
летел над тобой закат.

Там день наполнялся зноем,
сражающим наповал,
который ещё весной
все травы испепелял.

Но в местности той пустынной
растут теперь деревца...
Спи, мальчик! Ты был мужчиной,
останься им до конца.

* * *

Эта степь ровна, как доска:
ни юрты, ни кустика, ни леска,
лишь только на спинах горячих скал
ветер покачивает облака.

Мы в крае ином родились, росли,
и вот по пустыне идём, пыля.
Нет страшнее этой земли,
но это всё-таки наша земля.

Вся в шрамах, вся в трещинах рваных ран,
такыры, колючки и ковыли...
Призывно свистит на юру варан —
всесильный хозяин этой земли.

И мы охраняем её покой,
и эта земля, как приёмная мать,
тянется к нам саксаулей рукой,
словно пытаясь обнять...

* * *

Тот барак именовался: «Баня»,
но обман всё это на обмане:
нечем вовсе отмывать салаг —

мы ещё тогда совсем не знали,
что вода здесь только привозная,
что она – любых дороже благ.

Мы не знали то, что с нею тяжко,
что её положено полфляжки
и что пахнет хлоркою она,
что мы будем жить зимой в палатке,
а с зимы, известно, взятки гладки:
нет тепла – то не её вина.

Нам не отогреться до июля,
когда мухи носятся, как пули,
когда пот стекает в сапоги,
но тогда внезапно станет ясно,
почему так в мире всё контрастно:
потому, что мы ему – враги.

Но враги ли? По большому счёту,
мы его не посылали к чёрту,
и совсем не замыслили месть.
Да, он запрещает самостийность,
но, проверив нас на совместимость
он признал: она как будто есть.

Я ему признателен за это:
за испепеляющее лето,
что в буран не видно ничего,
что в степном и выюжном Казахстане
мы однажды все, наверно, станем,
пусть слегка – похожи на него.

* * *

Здесь в мае еще зелена трава,
парят над ней высоко орлы.
Как будто мельничьи жернова,
крылья их тяжелы.

Древние русла высохших рек.
Сокровищ любых здесь дороже вода...
Но однажды сюда пришёл человек
и остался здесь навсегда.

Он землю пахал и скот свой пас,
задумывал тысячу тысяч дел.
И был у него слегка узок глаз
оттого, что на солнце, шурясь, глядел.

Он шел, как будто кем-то ведом,

следов на песке оставалась цепь.
У каждого есть свой собственный дом,
а у него – степь.

Она для него – сестра и мать,
и он, даря ей тепло своё,
с полуслова может её понимать,
с полуветра – голос её.

* * *

Тот край давно рассадник ишемий —
вмиг захворает, если ты неловок.
Застыла степь в объятьях тишины
лисою, что в охоте на полёвок.

Открыт ветрам чернеющий угор,
простор ошеломительный, бескрайный.
Пусть этот мир, как нищий, рван и гол —
не в этом ли естественность и тайна?

Здесь столько дней расплющено зазя,
на времени безумной наковальне.
Окраина. Бесплодная земля,
а вместе с тем загадка вековая.

Здесь выцвела небес голубизна
и, говорят, недалеко от ада.
Я здесь, признаться, даже и не знал,
что выжить можно, если очень надо.

* * *

Во все стороны разлеглась
степь – вместить её взгляд не мог, —
и такая густая грязь,
что нельзя отодрать сапог.

И такая в ней скрыта грусть,
что она, сердца бередя,
маринуется, словно груздь,
в маринаде крутом дождя.

Ни фундамента нет, ни стен,
но постройки здесь не нужны,
словно эта пустая степь —
исправление кривизны.

Я свернусь клубком, как удав:
выбор мой беспощадно крут,
и поеду я не туда,

где меня, вероятно, ждут.

Я навеки покину дом
и забудет меня родня.
Нетудальный этот синдром
станет правилом для меня.

Когда слякоть и неуют,
когда дальние поезда,
когда вновь колёса поют
гимн дорогам, что не туда.

* * *

Я это когда-то на собственной шкуре примерил,
на шкуре салаги, на скорбном пути новобранца:
не может поэт стать когда-то воякой примерным,
ведь в личность другую не светит ему перебраться.

Теряются мысли, когда лишь одна несвобода.
Измена себе станет божьему дару изменой.
Но как быть со звездами? Там, в глубине небосвода,
они подчиняются строгим законам Вселенной.

Но как быть с другими, кто, не предаваясь печали,
восславил войну? Это, вроде, достойные люди.
Они убивали? Ну да, и они убивали.
Найдём ли подтекст в сердцевине их трепетных судеб?

Но полно! Секрета тут нету. Искать его тщетно.
И мысль эту трудно измерить практичною прозой:
они убивали, когда то убийство священно —
во имя отчизны, когда была жизнь под угрозой.

Не надо теперь вытирать о минувшее ноги.
Считаясь солдатом, я всё же остался поэтом.
И что из того, что я был в эти дни одиноким?
Я бился за нашу свободу, не зная об этом.

Я вытерпел всё, если даже за шизика держат,
я вытерпел всё, испытанья казались мне лажей,
ведь наша свобода нуждается в мощной поддержке,
и я отстоял её честно и без камуфляжа.

* * *

Я опять ни к чему ниоткуда приплыл.
Гауптвахта... Мне здесь не положен матрас.
Выводной, не томи, здесь звереют клопы,
я хочу подышать — ну, хотя б через раз.

Не осмыслят сие ни Платон, ни Декарт,
что отсюда транзит разве только в дисбат.
Это вроде купе, только это – плацкарт,
и страшнее чем это, быть может, лишь ад.

Вот и всё. Мне на жизни поставили крест,
и клопов легион наступает опять
к жениху, потерявшему столько невест,
что уже не способен за них воевать.

* * *

Можно, наверно, сойти с ума,
если тот час настал,
если вокруг ветров кутерьма,
Северный Казахстан.

Степь та в белёсой траве мертва,
ждёт, как сурка питон.
Здесь бы напиться воды сперва,
а умереть – потом.

Глаз устаёт. Тут простор сквозной.
Солнце не может сесть.
Здесь до серёдки прожарит зной,
если серёдка есть.

Здесь я осунулся, одичал...
Дело, наверно в том,
что, как тифозник, степь по ночам
дышит горячим ртом.

Скулы ей судорогой свело.
Это – какой-то шок.
Ей, как и нам с тобой, тяжело,
превозмогать ожог.

Всё измолотит своим цепом
лютых ветров отряд.
Этот свирепый антициклон
люди не победят.

И не покажется вовсе – нет! —
вялотекущим сном
этот совсем настоящий бред,
этот жары дурдом.

САКСАУЛ

Не верилось мне, что была изошрённая месть —
нелепый расклад обернулся совсем не прогулкой.
Я спички жевал, потому что хотелось мне есть,
хотелось курить, да вот не было даже окурка.

Я шёл за водой, только я заблудился в степи,
глазел не туда, а смотреть было нужно мне в оба.
И вот я сижу, непослушные руки сцепив,
проявлен на солнце как будто туркменская вобла.

Чуток отдохну и продолжу безумный загул.
Я выжить хочу – цель теперь я свою обозначу.
Но что это? Чудо! Здесь чёрный растёт саксаул,
а это – спасенье, единственный шанс на удачу.

И ветки его мне не кажутся вовсе горьки —
верблюды их смакует, как будто жуёт ананасы.
И вроде уже не совсем от меня далеки
забытые люди и даже дорожная насыпь.

Прощай, мой спаситель, прощай, саксауловый куст,
и эти ветра, что всегда налетают кагалом.
Простите, друзья, что бидон мой по-прежнему пуст,
зато я обрёл ту уверенность, что не хватало.

* * *

Была ноябрь склерозная слизь,
и мне казалось тогда,
что дни в сплошную метель слились,
и небо скрыла вода.

Травил меня, как какой-то яд,
казарменный нищий быт.
Где небо, в которое кинешь взгляд,
и будешь тем небом сыт?

Где этот зелёный лепет лесов,
что сердце когда-то грел?
Закрыто всё на глухой засов,
утоплено в сизой мгле.

И выхода нет, однозначно нет,
и снова тоска томит,
и взгляд застревает в мёрзлой спине
облачных пирамид...

Но завтра всё станет совсем иным:
исчезнет куда-то сор,
и я увижу не облачный дым,
а свой незабытый сон.

И степь предстанет совсем другой,
станет добрее вдруг.
Я здесь теперь совсем не изгой,
я – её первый друг.

И когда вновь случится весна,
когда холодам отруб,
то прикоснется ко мне она
маками тёплых губ.

ДЕМБЕЛЬ

Мне ещё надо в армии обжиться,
чтоб суть её я доосмыслить смог.
Домой поедут завтра сослуживцы,
я на «губе» мотаю новый срок.

Печёт вовсю июльская духовка,
но так морозно у меня в душе.
Я объявлю сухую голодовку,
поскольку снят с довольствия уже.

Лежу опять без всякого матраса,
без курева, обросший и смурной,
но не желает Армия расстаться,
поиздеваться хочет надо мной.

Она пугает ужасом дисбата,
что не приснится и в кошмарном сне,
и командир дивизии по блату
пятнадцать суток добавляет мне.

Но выбор был: с судьбой смириться, либо
продолжить бой, хоть не осталось сил.
Я был по-настоящему счастливым,
когда поверил в то, что победил.

Что позади бессмыслица и беды,
что не живу по правилам чужим.
И эта незаметная победа
была победой над собой самим.

Глаз твоих синие незабудки

* * *

У многих сложных теорем
решений вовсе нет.
Зачем ты пряталась, зачем
все эти столько лет?

Нет, это недоступно мне,
взять не могу я в толк,
зачем я рыскал по стране,
как одинокий волк?

И много-много раз терял
твой взгляд и голос твой,
не зная, что найду тебя

в тебе, а не в другой?

* * *

Восхищение пройдёт, как дождь,
и останется лишь усталость,
и заменит молчанье ложь —
та, с которой всё начиналось.

Ты входила почти мечтой —
недоступная, хоть и рядом.
Ты хотела стать только той,
без которой всё станет адом.

Сладким мёдом янтарных сот,
лунным отсветом невесомым...
По тебе, как камыш, я сох
и желтел на болоте сонном.

Ты сводила меня с ума,
ты оставила в сердце мету.
Это был лишь сплошной туман,
твой обман, твой коронный метод.

Ветер, этот туман развей,
разгони его хорошенько!
Ты была из семейства змей,
а совсем не Серою Шейкой.

И судьба с каждым днём темней,
корчусь от непонятной боли,
и так пусто в трясине дней!
Обмани меня снова, что ли!

* * *

— До свидания!.. Это осень
говорит губами дождей.
— До свидания!.. Я не очень,
не отпетый ещё злодей.

Я ещё всё плохое брошу,
я тебе совсем не совру,
что звезды алмазную брошку
из созвездья Девы сорву.

Я — легенда о том скелете,
что в шкафу притаиться смог.
Ты прости, обещанья эти
оседают в душе, как смог.

И не праздновать мне победу —
потерял я давно вожжу,
не сдержу я своих обетов,
никогда я их не сдержу.

Не обложен я этой данью —
это лишь подначально снам.
И какое тут до свиданья,
если надо прощаться нам?

И ты, гибкая, словно липка,
только оттиск слепой, клише.
И так муторно, и так хлипко,
и похмельно так на душе.

* * *

Не израсходован заряд
жары, и в сон она сморила.
И снова смуглая заря
всплывает, словно субмарина.

И в этом мире только зной,
не в силах даже петть синица,
и нет надежды ни одной,
что может что-нибудь случиться.

Что неожиданно взревёт
мотор, и ты ворвёшься в лето —
стремительная, как рывок
на финише легкоатлета.

И сядешь на мою кровать,
и всё наполнится тобою.
И мне тогда не сдобровать —
я сразу в плен сдаюсь без боя.

А ты, конечно, не придёшь...
Но обвинять ли надо небо,
что я запутался, как ерш,
попавший в кошельковый невод?

* * *

Щебечут щеглы, как лютни,
но гложет меня обида,
что ты, словно нежный лютик,
красива, но ядовита.

Была непомерной плата,
её ничем не измерить,

и жёлтое это платье —
как будто сигнал измены.

Как будто я сам всё скомкал,
развязка не за горами,
как будто хожу в потёмках
какими-то кругаями.

Мы странные очень люди —
с разгона вступили в старость?
И желтый засохший лютик —
вот всё, что у нас осталось.

* * *

Это такая была закрутка,
было всего так много:
глаз твоих синие незабудки —
что-то от неземного.

Словно к чему-то корабль
причалил и покидают силы.
Словно навечно нас обручали
с небом — таким же синим.

Мы неразрывно, я знаю, слиты,
будто свинец с сурьюю.
Ты мне приснилась, ты — Аэлита,
ты — облака над морем.

Пусть одолеют меня болезни,
пусть будет счастья мало,
только, пожалуйста, не исчезни,
точно мираж обманный.

Где ты? За что мне такая кара?
Чем это всё чревато,
если гореть только вполнакала
лампочкой подслеповатой?

* * *

Я не вижу выпукло то, что я забыл,
это время выпало из моей судьбы
потому, что кружится то, что я сломал,
потому, что лужицей растеклись слова.

За горами голыми колосится рожь...
Не морочь мне голову, что меня ты ждёшь.
Бродит мрак по пажитям, призраки маня...
Вычеркни из памяти, затушуй меня.

Я же этой полночью уж который год
не прошу о помощи
больше никого.

* * *

Не торопись. Пожалуйста, присядь.
Ещё мы вместе и ещё мы живы.
Мы не умеем, не хотим прощать
души своей прекрасные порывы.

Всё, что песком сквозь пальцы утекло,
как песня славки, вырвавшись из клюва,
Оно застыло – хрупкое стекло —
у трубочки волшебной стеклодува.

И я могу в тебя поверить лишь,
когда души порыв еще не замер,
когда ты снова мне в глаза глядишь
какими-то апрельскими глазами.

* * *

Справа – болота да плывуны, мая густой отвар...
Мы бестелесны, как тень луны, зябкие существа.
Шум этой жизни давно утих, в света свернулся сноп,
мы стали призраками своих невоплощённых снов.

Чувствую я дыхание твоё, вижу тот зыбкий свет...
Как мне поверить в небытие,
если его в нас нет?

* * *

Сладким ядом своим ужаль,
я с тобою – хоть в рай, хоть в ад...
Отчего так по-детски жаль,
что не принял я этот яд?

Почему же я вдруг потух
среди спешки и маеты
и преследовал не мечту,
а лишь бледный призрак мечты?

Я не знаю всех тех причин,
от которых распалась связь.
Это сказочный был зачин,
а концовка не удалась.

Жизнь несётся на всех парах,
бег тот, знаю, неутомим...

Ты прости этот поздний страх —
я ужален навеки им.

* * *

Не уходи, пока мне так зябко на душе,
она – сплошные камни, остывшие уже.
И я совсем не спятил, я вовсе не из тех:
душа моя распята, прибита на кресте.

Её терзают птицы, нисколько не щадя,
и дали ей прикрыться лишь шляпкой от гвоздя...
Ей ничего не надо, порыв её угас,
она лишь просит взгляда – хотя б в последний раз.

* * *

Ты присниться мне не вели,
близко к сердцу не подпускай.
Отметелят пусть февраль,
отчеканят хрусталь пускай.

Будут снова такие дни,
что не ведают всех морок.
Ты, пожалуйста, мне верни
застудивший судьбу мороз.

Это будет всему предел,
когда двое – опять враги,
чтоб я снова заледенел
от всегдашней твоей пурги.

* * *

Путь больше не размерен,
всё как-то не путём,
и мы его разделим
на прежде и потом.

Мы спрячемся, как пелядь,
в придонную санчасть,
чтоб было что лелеять
и что навек проклясть.

Но в водах тех стоячих,
где ил заменит дом,
увы, не замаячит,
что мы так долго ждём.

И хватит всяких мистик,
вновь мрак черней чернил...
Не может быть амнистий

для тех, кто изменил.

* * *

А дальше... Дальше – суп с котом.
Финита ля. Мы сняли маски.
Давай оставим на потом
все наши прежние замашки.

Притворства время истекло,
мы всё истолковали ловко,
но сути тонкое стекло
просвечивает сквозь шпатлёвку.

Уже теперь ты не жена,
но я, как пёс, иду по следу,
чтоб видеть, как искажена
твоя улыбка напоследок.

Да я тебе, не кум, не сват,
а только призрак, злой и зыбкий,
но если в чём я виноват,
так в той мучительной улыбке.

* * *

Как андроид, деревянно отвечаю – нету сил,
отчего я света в ванной всю неделю не гасил.
Говорить не вижу смысла – смысл тот где-то далеко.
Ожидание прокисло, как в пакете молоко.

Дверь я запер на засовы, ничему совсем не рад,
и табачный дым спрессован, словно пшённый концентрат.
И, как нищенка, босая вновь тоска стучится в дом...
Без тебя я прокисаю в солидарность с молоком.

Без тебя я только винтик, только винтик без резьбы.
Этот винтик, годы, выньте из разболтанной судьбы.
Я хочу всего лишь малость – мне без этого нельзя, —
чтоб она, как раньше, мчалась, ни на миг не тормозя.

Жизнь — это зеркало

* * *

Забуть? Но это, наверно, как
в игольное лезть ушко.
Не стало прошлым это, пока
ещё оно не ушло.

И не застыло, словно омут,
и смотрит через вуаль,

и хищной коброй под звуки флейт
танцует собачий вальс.

Оно пугает меня, смеясь.
Не надо! Я уползу.
Я прячусь: может эта змея
вонзить ядовитый зуб.

Я прячусь, белый, как школьный мел,
и я не кривлю душой:
ведь это будет как бы расстрел
с отсрочкою небольшой.

Надежда, ты меня не оставь
последним смеется тот,
кто прошлое спрячет, но это – явь,
которая настаёт.

* * *

Ты сам всё это сотворил, но сожалений нет,
что разменял мечты свои на суету сует.
И сам себя ты не подвёл, америк не открыл.
Мечта... Не воплотить её, когда она без крыл.

Никто мечтой не дорожит: нас травит, как зоман,
метель сплошной нелепой лжи, и от неё – зима.
Пожить не доведётся всласть, но в том себя утешь,
что власть – на то она и власть,
чтоб подавлять мятеж.

* * *

Ещё один день упущен,
не сможет никто помочь,
и черной кофейной гущей
в душе оседает ночь.

Ни искорки – только темень,
как будто проник в забой,
и лупит с размаху в темя
внезапная эта боль

о том, что давно погибло,
наверно, в расцвете сил,
как эхо чужого гимна
врага, что не победил.

* * *

Мы всё оставим на потом,
мы это в минусы зачислим:

нельзя уже поверить в то,
что нам нащёптывали листья.

И этот обмелевший пруд
в печальном обрамлении веток...
Наверно, все на свете врут
и предсказания, и приметы.

И оказалось всё не так,
надежды оказались снами.
Содрал реальности наждак,
что было выдуманно нами.

Как это мы могли проспать
в объятьях сна, который розов?
И всё нахмурилось опять,
хотя ещё не время грозам.

И я пойму, совсем не рад,
что всё исчезло без возврата,
ведь самой тяжкой из утрат
бывает поздняя утрата.

* * *

Какой-то сверхаварийный год —
от прошлого рикошет,
только и он когда-то пройдёт,
когда-то сойдёт на нет.

Идём порой на двойной обгон,
несёмся — такая жуть.
Но надо ль печалиться оттого,
что некуда нам свернуть?

Наверное, лучше ножа и драк
и чем приёмный покой
мгновенный этот удар — и мрак,
и боли нет никакой.

* * *

Я ступаю на шаткий помост,
чтоб покаяться, вроде не трушу,
хоть никто не сумеет помочь,
если я свою вывихну душу.

Надо выдержать хлёсткий удар,
если кто-то случайно заденет,
но я душу свою не продам
за иллюзию счастья и денег.

Пусть я буду последний болван,
горечь сердце ещё не разъела,
а душа... А душа не больна —
не того она просто размера.

Был закройщик, похоже, слепой,
меньше нужного сделал он вырез...
Как её совместить мне с судьбой,
если та полагалась на вырост?

* * *

Жизнь — это зеркало. Её
статичные отображенья
закрепостят души движенья,
но эта жизнь — одно враньё.

Таят неправду зеркала:
там смысл припудрен, запорошен,
в них ты ещё как будто в прошлом,
а жизнь тем временем ушла.

Но, не покрыв тот дефицит,
не поминай потери все —
ведь время вовсе не буксует,
когда заканчивает цикл.

Оно становится другим —
упругим, словно мяч футбольный,
и потерять его не больно,
поскольку им не дорожим.

* * *

Неправда, я не баламут, меня надежда лечит:
быть может, крылья прорастут, они расправят плечи.
Я не подвержен никакой неведомой заразе,
и выбрал навсегда покой и ангелообразен.

Я стану фоном для икон, гарантом дел победных,
и я не преступлю закон, не украду у бедных...
Увы, печаль меня берёт: я не познал ту милость,
всё неспроста наоборот в моей судьбе случилось.

Я на изломе был крутом и не был я покорен.
Но не тоскую я о том придуманном покое.
И путь давно я выбрал свой, финал его не розов:
жизнь — это ветер штормовой,
помноженный на грозы.

* * *

Я у скряги-судьбы жизнь авансом урвал
и не думал, что это вредит,
но вгрызается, как раскалённый бурав,
мысль о том, что просрочен кредит.

Я свой долг накопил, как арбуз на бахче
копит сызмала солнечный жар,
и настанет когда-нибудь день этот Ч —
окончательный день платежа.

Я не стану хитрить. Не моя в том вина,
что в сумятице сумрачных дней
я не смог расплатиться с судьбою сполна
неуслышанной песней своей.

* * *

Я задубел, заиндевел,
но я всё жду, когда
взойдёт в продрогшей синеве
высокая звезда.

Она взойдёт когда-нибудь,
всё будет по уму:
она одна укажет путь
неведомо к чему.

И малодушие не в дугу —
отвагой жизнь полна.
И я пойду, я побегу,
куда зовёт она.

И лишь один вопрос засел:
куда ведут пути,
и так мучительно зачем
искать, что не найти?

* * *

Слоилось над нами марево, хрущёвская шла весна,
и яркой огненной мальвою просвечивала звезда.
По рытвинам, по прогалинам, по доннику и хвощам
вела она в путь негданный, что столько нам обещал.

Какого сюрприза ждали мы? Был близок уже финал,
но цели того блуждания никто никогда не знал.
И вот мы летим, не мешкая, — туда, где исчезнет свет,
где тьма навсегда кромешная, и выхода вовсе выхода нет.

Бездонная это скважина, на свете всему предел...

Ты, Время, не притормаживай —
у нас ещё много дел.

* * *

Ночь которую подряд,
словно с гор сошла лавина,
эти сны — они без дат,
розовые, как фламинго.

Зарекался сколько впредь —
позабыть все эти ночи,
но не могут сны взрослеть,
если память не захочет.

Я возьму у ноября
эти слякотные вёрсты,
этот запах имбиря —
пряный и немного острый.

Запах вянущей листвы,
что легла на эстакаду,
чтобы навсегда отвык
вспоминать, чего не надо.

* * *

В тяжёлые зимние вёрсты
ты сам от себя не уйдешь,
ведь правда не знает притворства —
притворство курирует ложь.

Нельзя превратиться в монаха,
когда ты по жизни гусар.
По воле какого монарха
сценарий ты тот написал?

Беда ли подвигла большая,
укоры ли тёмной души?
Зачем ты уходишь, прощая
лишь то, что ты сам нагрешил?

И бродишь потерянной тенью,
опять недовольный собой...
Смиренье не есть примиренье,
нельзя примириться с судьбой.

И пусть эшафот, лепрозорий,
дурдом — это разве финал?
Ты вспомни, как верила Зоя
в народ, что ей в душу плевал.

* * *

Утонула девочка – омут затянул,
и голодной галкою заметалась грусть:
груз надежд несбывшихся с нею затонул —
это был, наверное, непосильный груз.

Я не эту девочку за руку водил —
её тоже выкрала вечности река.
Смерть бывает легкою только от воды —
той, откуда вышли мы в прежние века.

Только вот не легче мне – знаю я одно,
что сомкнет объятия голубая ширь,
словно, крепко связанный, я иду на дно
и осталось воздуха на один пузырь.

Радуйся, русалочья вольная орда,
жизнь мне нахлобучена как-то набекрень,
с вами я, красавицы, ваш я навсегда
в поминальном празднике на Иванов день.

* * *

Друзей своих я не кидал,
но смерть не обмануть:
уходят люди в никуда —
в заснеженную муть.

Туда, где белая парча
на фоне голубом,
где тишина и где молчат
о чём-то о своём.

Так, уходя, молчал «Варяг»
кипящих волн среди.
Та безысходность января
отчаянью сродни.

Она сгущается, как дым,
что с ветром примирён
в объятьях ночи и звезды
и вечности времён.

Нет, позабыть я уже не способен

* * *

– Послушай,
не надо туда, в эту белую дымку...
Послушный,

я шапку надену свою невидимку,
и всё же проникну туда,
куда раньше причалил.

Кричали,
как дети в роддоме, голодные чайки,
а я – обещайка,
ячейка для сети рыбацкой,
но с ней не поймашь
горячего пекла июля,
как меда из улья.

Была та дурацкой
прикольная вроде затея:
потя,
ловить те мгновенья,
что в вечность летели, как пули,
и это от скал отраженное горькое эхо...

Зачем я уехал
в ноябрьские ночи, где темень,
где нету июля,
где в том лишь утеха,
что мы темноту не любили?

А впрочем, всё это
совсем не относится к теме.

* * *

Вязкая мгла, и ветер лилов
в мире большом, ночном,
в нём, вероятно, не хватит слов,
чтоб рассказать о том,

что послужило всему виной,
что мотыльком вилоьсь,
как захлебнулся тёплой волной
мокрых твоих волос.

Месяц растущий на сосны влез,
пухнет он словно флюс...
Сплюшка кричит, усыпляя лес,
может, я тоже сплю?

Словно лунатик, глаза закрыв,
следую за тобой...
Томная fuga, лунный мотив,
голос луны – гобой.

Озеро – тёмный рваный лоскут,
мшистый вдали увал,
и невозможно забыть тоску,
если всё потерял.

* * *

Сто дождинок – отнюдь не ливень,
это – лишь на него намёк.
Но зачем я такой счастливый,
если я, как губка, намок?

И не знает судьба слепая,
и не знает тьмутаракань,
что с дождём к тебе прилипаю,
словно платья влажная ткань.

Есть дневник в моём школьном ранце,
в дневнике я том не пойму,
почему не могу пробраться
к сердцу гордому твоему.

Пасмурь муторная в округе,
влажный сумрак лесных утроб,
горечь первой моей разлуки,
прожигающей все нутро.

И надежде, увы, не сбыться,
да, наверно, и ты не ждешь,
и не может никак забыться
этот хилый весенний дождь.

* * *

Нет, позабыть я уже не способен
этот июль, хоть авральная гонка.
Где эта девочка с челкой косою?
Как отыскать в стоге сена иголку?

Как мне вернуть то летящее лето,
где уже места для нас не осталось?
Где эта девочка в женщине этой
в черном реглане, скрывающем старость?

Где ты? Сейчас ты в обличье свекрови,
даришь на праздники нужные вещи.
Как притаилась ты в строгой матроне,
чтобы меня контролировать вечно?

Где ты? Ответ, прояви ко мне милость...
Но уплывает виденье, как жерех,

как отражение чего не случилось
в этом пустом тонкостенном фужере.

РАССТРЕЛ ЦАРЕУБИЙЦЫ

(Филипп Голощекин)

По лесам смурным, по полям,
где для осени вход открыт,
разорвался крик пополам —
журавлиный прощальный крик.

В жизни многое ты успел
и откормлен был, как каплун,
и ведут тебя на расстрел,
и седым стал, совсем как лунь.

Мы не ведаем, что творим,
убивать не жалеем сил.
И течёт по губам твоим кровь —
от страха их закусил.

Ну а скольких ты сам убил?
Сколько душ загубил уже?
Снег лежит, словно белый бинт
на кровавой твоей душе.

Надо быть до конца людьми,
справедливости ждать приход.
В горле ружей застыл твой миг
искупленья от всех грехов.

Чтоб земля не держала зла,
чёрной кровью её полей,
чтоб травую та кровь взошла,
светлой болью её полей.

* * *

Мне только минуты, наверно, хватило вполне бы,
чтоб духом воспрянуть, чтоб как-то очнуться от спячки,
чтоб солнце увидеть — багровое солнце, в полнеба,
и чайки, их танец, их крылья — балетные пачки.

И девушку эту, которая, ночью мне снится,
и теплых ветров черноморских хмельную ватагу,
и миг ослепленья, но это совсем не ресница,
попавшая в глаз, — это горько-соленая влага.

Но лучше не надо. Безжалостна давняя память,
она вызывает какую-то странную ревность,
уж лучше и дальше, как прежде, стремительно падать
в болото печали, а значит, в свою повседневность.

Я всё забываю. Я буду с годами суровой.
Пройду без заминки по льду осторожности тонком.
Не надо, прошу я, не хмурь свои белые брови —
ведь их обесцветило солнце до осени только.

* * *

Ну как же я, гуманитарный мальчик,
так безнадежно, так стремглав припух,
когда Ибн Сина, школьный математик,
мне двойки ставил в классный наш grossбух?

Он говорил, не повышая тона,
ушастый, как английский спаниель,
и мир был сложный, как бином Ньютона,
ассиметричный, как кинжал в спине.

А мы украдкой в подворотне курим,
нам начихать, что кончилась зима,
но этот факт совсем не доказуем,
как теорема древняя Ферма.

За ту науку не скажу спасибо,
не помогла она в моей беде —
напрасно ставил мне в тетрадь Ибн Сина
оценки в виде жирных лебедей.

Тетради те куда-то завалились,
их не найти, но дело и не в том:
провёл я лишь поверхностный анализ
всего того, что жизнью мы зовём.

Наверное, могло всё быть иначе,
но жизнь мелькнула как-то на бегу,
оставив мне условие задачи,
которую решить я не могу.

* * *

Уверен: не хватило сил
и воли, чтоб постичь все это,
когда я, словно вор, таил
то неразгаданное лето.

Когда, как отблеск янтаря,
тепла уже прохладна ласка,
но хна в оправе октября
ещё над зеленью не властна,

когда листвы нависла медь

над вывеской дорожной чайной...
Но лучше что-то не иметь,
чем обладать им лишь случайно.

* * *

Скажи, пролетело сколько
безумных вихлявых лет?
И не собрать осколки
того, чего уже нет.

Гоняла нас жизнь по кругу,
всё было порой черно.
И что нам сказать друг другу?
Наверное, ничего.

С годами улыбку стёрло,
всё выцвело, как трава,
лишь снова сжимают горло
невыведанные слова.

Но тем мажорным летом
я вовсе ещё не знал:
совсем не прощанье это,
а исчезновение сна.

Нам город режет крылья

* * *

Я вернулся в тот город, которого нет,
я всего опоздал лишь на пару минут:
я забыл, словно впавший в маразм интернет,
что часы у меня навсегда отстают.

Я брожу по кварталам, как эхо, пустым.
Этот город корёжит меня, словно тиф,
он, как запах помойки, тяжёл и постыл,
я уже не успею себя в нём найти.

Этот город – лишь слепок, всего лишь макет,
я поверил, – такой я упрямый болван, —
что вернусь в этот город, которого нет,
значит, то, что я в нём, это просто обман.

И напрасно сейчас, у всего на краю
сознавать, что я сдал боевые посты.
Значит, время умчалось, а я вот стою
у гробницы своей запоздалой мечты.

* * *

Растёт моя беда, как мозговой полип,
и больше мне теперь нигде не отогреться:
как прежде, колотун, и по ночам болит,
скулит бездомным псом изношенное сердце.

Я тупо обхожу стада могучих льдин,
похожих на дома, но где то время оно?
Дверь дергаю – увы, сегодня ни один
подъезд не впустит внутрь – на страже домофоны.

Кому бы позвонить? Найдётся ли душа,
что может приютить меня с судьбой такою?
Боюсь, что получить могу и по ушам,
и отповедь, что зря кого-то беспокою.

И снова я иду в обшарпанном пальто
в обнимку с январём – другого нету друга,
не ведая судьбы, не зная, что потом,
но лучше и не знать, когда такая вьюга.

* * *

Нас город всех погубит, мы все в его лассо.
Его стальные губы плюют в моё лицо.
В том сатанинском пекле, где ждательный падеж,
мы станем серым пеплом
несбывшихся надежд.

Мы взглядом жизнь окинем и сразу же поймём,
что стали никакими в том мире никаком.
Нам город режет крылья, в свою ввергая тьму,
но нас приговорили
пожизненно к нему.

* * *

Кто алкаша гегемоном нарёк,
тот был не склонен на шутки:
прёт этот алчущий водки народ,
жаждут отравы желудки.

Катит в пивнушку кочующий сель,
речка, где водка, не близко,
и берега у неё не кисель —
пробки, стаканы, огрызки.

Ни одного не увидеть лица,
это – как хлоркой по коже,
это – наверно, начало конца,
Ленин ошибся, похоже.

И не подумал, витийствуя, он
о вероятности риска...
Славься ж во веки веков, гегемон,
славься отныне и присно!

* * *

Там память дома хранят и старые тополя,
там тень моя без меня выписывает кренделя.
Но жизнь у меня вразнос, другой, к сожаленью, нет,
и мы с ним стареем врозь, но с разницей в триста лет.
И нечем огонь зажечь, никто не поможет мне.
И только разлита желчь
заката в моем окне.

* * *

Свет фонарный оплыл, опух,
и порхает, как в сладком сне,
словно белый лебяжий пух,
очищающий душу снег.

Жизнь мелькнула, точно болид.
Я забыл, кто мой враг, кто друг,
потому что душа болит,
когда стены сомкнулись в круг.

Когда чёрный окреп минор,
не спасёт никакой ремонт,
когда всё вокруг замело
до скончания всех времён.

* * *

Бездомным псом, что ищет, где приткнуться,
мечусь по миру в поисках тепла,
и пухнет льдом фарфоровое блюдо
на скатерти небесного стола.

Нет у меня ни дома, ни пожиток,
ни курева, и затупился меч.
Как этот снег, летящий с неба, жидок
мой вид на сбычу самых нищих мечт.

И, словно пулемёты в капонири,
беда метелью целится в меня.
И нет тепла, и нет покоя в мире,
покуда всё растёт её броня.

* * *

Развернуло дороги рулон
это таксомоторное дерби,

и попал я в бандитский район.
Занесёт же нелёгкая в дебри!

Я ни с кем здесь не ворковал.
Унести бы подальше мне ноги.
Этот длинный безмолвный квартал
привечает, похоже, не многих.

Не услышит, убьют здесь кого
и кому здесь карманы обшарят.
Темнота. И далёкий огонь
то ли красной луны, то ль пожара.

Детективный почти сериал,
и так близко до самого края:
я здесь ориентир потерял
и себя понемногу теряю.

Как валун ледниковый, замшел,
наступаю на те же я грабли.
Но меня не ограбить уже,
потому что до нитки ограблен.

Я иду, поседевший брюнет, —
быстро молодость так пролетела.
И не то что бумажника нет —
просто вынули душу из тела.

И несется в беспмятство день,
оплеуху давая с размаха.
Я иду. Я всего только тень,
только эхо вчерашнего страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.